

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

С. Н. Иванов

ОБ ИСТОРИЗМЕ В СОДЕРЖАНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ

Вопрос об историзме в содержании грамматического понятия — это вопрос о диахронических элементах в синхронной системе языка, и при этом не об отдельных реликтах в том или ином звене этой системы, а о принципиальном понятии диахронического вообще в синхроническом. Однако, если говорить об историзме в содержании грамматического понятия, нужно будет договориться о том, что следует называть в данном случае понятием. Естественно, что речь должна идти о научном понятии, т. е. о минимальной единице теоретического знания относительно того или иного объекта исследования. И здесь мы вплотную подходим к методологическим вопросам.

Недостатка в общих рассуждениях о методологии в науке о языке нет. Однако тщетно бы мы искали в конкретных грамматических исследованиях, в частности и в тюркском языкознании, обоснованное определение того, что именно надлежит понимать под методологией исследования применительно к грамматике. Нет и опытов приложения определенной методологии к конкретному грамматическому материалу. Этот факт отражает собой то известное обстоятельство, что тюркское языкознание, в особенности грамматические изыскания в области тюркских языков, небогато собственно теоретическими исследованиями.

В настоящее время, когда в тюркском языкознании осуществлена огромная работа по сбору фактов, в которых отражаются современное состояние и история тюркских языков, чрезвычайно остро встает вопрос о теоретическом исследовании тюркской грамматики, вопрос о таком ее изучении, которое только и возможно на теоретической основе, — об изучении грамматики на системно-структурном уровне. Но это совершенно невозможно без четкой методологической основы теоретического исследования, без определенных мировоззренческих принципов. Это последнее обстоятельство приводит иссле-

дователя к пониманию того, что не существует науки вне философии.

Любой ученый, сознает он это или нет, стоит в своих исследованиях на тех или иных философских позициях, и отсутствие сознательно избранной философской основы в научных построениях исследователя объективно оказывается тоже разновидностью философского подхода. Как правило, в этом последнем случае основой исследования является позитивистское убеждение в том, что изучение той или другой совокупности фактов должно представлять собой простое описание ее, «упорядоченную запись непосредственных наблюдений»¹.

Эта разновидность «внефилософского» знания, как и другие его проявления, имеет своим истоком непонимание методологической функции марксистско-ленинской диалектико-материалистической философии. В последние двадцать лет советская философия многое сделала для разъяснения того, что упрощенное понимание диалектики как «учения о наиболее общих законах развития природы и общества», характерное для конца 30-х — начала 50-х годов, недостаточно, так как при этом упускается из виду познавательная, методологическая функция диалектики².

Между тем еще Ф. Энгельс писал: «Диалектика ... является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»³. Диалектика в ленинском понимании полностью совпадает с логикой, с теорией познания марксистской философии. В. И. Ленин говорил: «...не надо 3-х слов: это одно и то же...»⁴. В этом своем качестве диалектика является диалектиче-

¹ См., например: А. Ф. Зотов. Структура научного мышления. М., 1973, с. 34—56.

² См., например: И. Д. Андреев. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972; Диалектическая логика. Ростов-на-Дону, 1966; В. С. Добрянов. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968; А. Ф. Зотов. Структура научного мышления. М., 1973; Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; он же. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974; Историко-философские очерки. М., 1964; П. В. Копнин. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; Ленин об элементах диалектики. М., 1965; Логика и методология науки. М., 1967; Логика научного исследования. М., 1965; Методологические проблемы современной науки. М., 1970; З. М. Оруджев. Диалектика как система. М., 1973; он же. К. Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964; Г. А. Подкорытов. Историзм как метод научного познания. Л., 1967; М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., 1960; Философия. Методология. Наука. М., 1972.

³ Ф. Энгельс. Диалектика природы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 527—528.

⁴ В. И. Ленин. Философские тетради.— Полное собрание сочинений. Т. 29, с. 301.

ской логикой, которая и представляет собой логическую основу теоретического познания мира, логику теоретического исследования⁵. И если мы хотим от общих рассуждений о методологии перейти к формулированию конкретных методологических задач, то нужно будет признать, что та или иная методология — это тот или иной способ построения теории и конструирования научных понятий, из которых складывается данная теория.

Как логика теоретического исследования диалектическая логика содержит в себе вполне определенные указания относительно способов построения теории и научного понятия. Эти способы включают в себя оперирование строго разработанным аппаратом категорий диалектики (общее и единичное, сущность и явление, элемент и система и т. д.). Следовательно, если пытаться приложить методологические диалектические основания к изучению конкретных явлений грамматики, то нужно будет предпринять попытку построить точные и конкретные научные понятия об этих явлениях с учетом тех требований, которые предъявляет диалектическая логика к научному понятию⁶.

Для темы настоящей статьи весьма существенным оказывается то обстоятельство, что если соблюсти все требования диалектической логики при конструировании научного понятия, то тем самым в научное понятие будет введен и необходимый элемент историзма⁷. Но прежде чем перейти (и для того, чтобы перейти) к вопросу об элементах историзма в содержании грамматического понятия, необходимо коротко рассмотреть основные положения диалектической логики о принципах построения научного понятия. Здесь следует различать метод конструирования понятия и то содержание понятия, которое должно возникнуть в результате применения этого метода.

Методом конструирования научного понятия в диалектической логике является метод восхождения от абст-

⁵ Э. В. Ильенков. Диалектическая логика, с. 211—232.

⁶ См., например: Историко-философские очерки, с. 295—329.

⁷ В настоящей статье формулируются основные принципы методологического подхода к истолкованию тюркских грамматических категорий и форм, входящих в эти категории, и образованию научных понятий об этих категориях и формах. При этом главное внимание обращается на элементы историзма в содержании понятий. Принципы эти представляются пригодными для всех тюркских языков (с соответствующими изменениями в зависимости от конкретного грамматического материала), поэтому примеры из конкретных языков, за небольшими исключениями, не приводятся. Последнее обстоятельство объясняется также и тем, что в статье речь идет о фактах, широко известных применительно ко многим тюркским языкам, и никаких новых данных о самих фактах статья не содержит; она содержит новые данные о связях фактов друг с другом и суждения относительно самих принципов отыскания этих связей.

ра к т н о г о к к о н к р е т н о м у⁸. Такое восхождение предполагает постепенный переход от отдельных, высказываемых еще вне их всеобщих связей (и потому абстрактных!) определений данного предмета к уяснению конкретного знания о данном предмете, взятом уже в его всеобщих связях со всеми остальными предметами данной совокупности фактов. «Конкретное потому конкретно,— говорил К. Маркс,— что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»⁹. И вот тут мы подходим к вопросу о содержании научного понятия: оно должно отразить в себе скрытую от непосредственного наблюдения и потому устанавливаемую теоретическим путем глубинную единую основу того многообразия фактов, которое открыто исследователю в данной более или менее замкнутой области явлений в непосредственном наблюдении¹⁰.

Применительно к грамматике это можно понимать так, что если, например, нам дана в наблюдении определенная (и она может быть очень большой) совокупность разнообразных и внешне иногда как будто не связанных («разрозненных») значений какой-либо грамматической формы (например, того или иного падежа), то исследование должно выработать теоретическим путем конкретное научное понятие о данной грамматической форме, которое показало бы единую основу и связь всех этих значений как необходимость, т. е. не как «случайный набор» вариаций, а как систему, связанную с системами значений других грамматических форм в рамках всей данной категории (например, связь всех значений всех падежей друг с другом). Таким образом, конкретное научное понятие об одной совокупности фактов (о значениях, например, одного какого-нибудь падежа) должно быть связано с конкретными научными понятиями о других совокупностях фактов (о значениях, например, других падежей), и всеобщая связь понятий (в которых отражена объективная связь данных фактов) образует собою теоретическое знание о данном круге явлений. Так исследователь получает знание о единой основе многообразия, об урегулированности единичных фактов их общей основой, о связанности разрозненных явлений их общей скрытой сущностью, о функционировании отдельных элементов в составе целостной системы.

⁸ Диалектическая логика, с. 337—354; Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, с. 112—185; З. М. Оруджев. Диалектика как система, с. 280—288; М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, с. 427—473.

⁹ К. Маркс. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов).— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12, с. 727.

¹⁰ См.: Историко-философские очерки, с. 295—329.

Познанная в целостном виде совокупность фактов с необходимостью должна привести, таким образом, к знанию ее скрытой сущности, и при этом самой важной составной частью этого знания должно явиться уяснение того, в чем, в какой своей части эта сущность является противоречивой: за всеми многообразными связями и отношениями надлежит увидеть то единственное и главное отношение, в котором данная сущность выявляет противоречивость — противоречивое отношение к себе самой¹¹.

Именно это знание противоречивой сущности любого предмета или явления действительности и составляет саму основу научного понятия, так как понятие должно отразить не мертвый статус данного объекта изучения, а ту глубинную закономерность, которая является причиной его самодвижения: противоречивость сущности самой себе означает известную смещенность ее относительно себя самой. Диалектическая логика видит в установлении этой смещенности главное требование к содержанию научного понятия. Не мертвое тождество данного объекта самому себе, а различие, проступающее на фоне этого тождества, должно стать главным знанием о данном объекте, отраженным в научном понятии о нем. Закон единства и борьбы противоположностей составляет самую суть теоретического мышления. При бессистемном пересказе, при эмпирическом перечислении вопрос о противоречивости данного предмета не возникает, он встает лишь тогда, когда задаются целью систематически отразить предмет в понятии и связать определенную группу понятий в целостную теорию. «...Диалектическое мышление ... имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий...»¹² — говорил Ф. Энгельс.

Для понимания того, каким должен быть элемент истории в научном понятии, очень существенным является уяснение того обстоятельства, что каждый предмет действительности содержит в себе самом основу своего самодвижения, которое, будучи воспроизведено в научном понятии о данном предмете, и сообщает этому понятию необходимую историчность. Но дело не только в этом. Историчность в составе научного понятия трактуется диалектической логикой гораздо глубже.

В категориальном аппарате диалектической логики имеются разработанные категории логического и исторического, рассматриваемые в их взаимном отношении. Согласно диалектической логике, всякая развитая структура (предмет, объект и т. д.) не только включает в себе самой элемент само-

¹¹ См.: Диалектическая логика, с. 161—162; Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, с. 222; Ленин об элементах диалектики, с. 191.

¹² Ф. Энгельс. Диалектика природы, с. 537—538.

движения, т. е. причину и основание своего дальнейшего развития, но и содержит в снятом, преодоленном виде следы своей собственной истории¹³. Поэтому воссоздание в научном понятии всех особенностей данной структуры (т. е. любого предмета действительности в его расчлененном и развитом виде), являющееся логическим отражением сущности данной структуры, с неизбежностью отразит в себе такие черты данной структуры, в которых могут быть усмотрены основные особенности ее исторического развития.

* * *

Попытка усмотреть целостность и единство в бесконечном разнообразии грамматических фактов, в которых отражается функционирование той или иной грамматической формы, той или другой грамматической категории, с неизбежностью приводит к необходимости методологической интерпретации самих принципов подхода к решению этой сложнейшей задачи. Для истолкования скрытой единой основы видимого многообразия нужна теория, ибо это как раз тот случай, когда простое перечислительно-эмпирическое знание недостаточно, когда должен быть получен результат, не достигаемый иным, кроме теоретического, путем¹⁴.

И здесь уже самая первая задача — задача уяснения самой сути грамматической многозначности приводит прямо к вопросу о соотношении единичного и общего, т. е. к той проблеме, которая чрезвычайно глубоко изучена диалектической логикой. Методологически и мировоззренчески эта задача стоит так: какие взгляды разделяет исследователь в отношении данной проблемы, к какому философскому разъяснению этого вопроса примыкает он, что он считает возможным положить в основу специальной, грамматической интерпретации той проблемы, которой он не может избежать, если только не захочет ограничиться эмпирическим перечислением значений в виде скучного рядоположения, — проблемы строения объяснения значений как системы. В такой ситуации естественно обратиться к диалектико-материалистическому пониманию данной проблематики.

В самом деле: если есть, с одной стороны, грамматическая проблема соотношения частных и общих значений грамматических форм, обсуждаемая в языкознании уже очень давно (ра-

¹³ См., например: Ф. Энгельс. Карл Маркс. «К критике политической экономии». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13, с. 497; Диалектическая логика, с. 312; Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, с. 188—193; Историко-философские очерки, с. 105.

¹⁴ См.: Историко-философские очерки, с. 295—329.

боты К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А. А. Потебни, труды представителей Пражской школы, и прежде всего Р. О. Якобсона), и существует, с другой стороны, разветвленное и точное понимание вопроса о соотношении единичного (особенного) и общего в диалектической логике, то уместно рассмотреть грамматическое своеобразие этой проблемы на фоне философской, диалектико-материалистической ее интерпретации.

Такое рассмотрение приводит к очень важным выводам: если понимать общее не метафизически — как абстрактное извлечение одинаковых признаков из всех единичных явлений данного ряда, данной совокупности фактов, а диалектически — как систему, в которую включены все единичные явления, то суть этого общего, в рамках которого функционируют единичности, в грамматическом его преломлении состоит в том, что общее грамматическое значение несомненно существует (и согласно диалектико-материалистической точке зрения не может не существовать!) и представляет собой совершенно определенно организованную совокупность значений, регулирующую вхождение каждой формы в два ряда грамматических противопоставлений¹⁵.

В этом и состоит противоречивая двойственность каждой грамматической формы. Ее единство обеспечивается принципиально двояким отношением к смежным явлениям, она имеет обязательно два дифференциальных признака — отношение к «своему» (малому) ряду форм и отношение к общему (большому) ряду форм всей данной грамматической категории. При этом в одном ряду противопоставлений (в малом, семантическом) отражен консервативный элемент противоречивой сущности грамматической формы, а в другом (в большом, синтаксическом) — проявляется прогрессивный элемент противоречия¹⁶.

Таким образом, выше были сформулированы, а далее будут интерпретированы грамматически определенные понятия:

понятие о двух рядах противопоставления грамматических форм — малом и большом;

¹⁵ Подробнее см.: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрк» Абулгази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Таш., 1969, с. 8—26, 49—93, 151—152, 191—195; он же. К истолкованию многозначности грамматических форм (На материале тюркских языков). — ВЯ. 1973, № 6, с. 101—109; он же. Курс турецкой грамматики. Ч. 1. Грамматические категории имени существительного. Учебное пособие. Л., 1975, с. 66—97.

¹⁶ С. Н. Иванов. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. — СТ. 1973, № 6, с. 9—16. При этом очень важно понимать, что признание принципиальной противоречивой двойственности форм не имеет ничего общего с бинарным, попарным их соположением в духе бинаристских построений (см.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. 1, с. 91—97).

понятие о семантических и синтаксических значениях грамматических форм и соответственно о семантических и синтаксических оппозициях;

понятие о противоречивой двойственности каждой грамматической формы;

понятие о консервативном и прогрессивном элементах противоречивой сущности грамматической формы;

понятие о сохранении следов истории каждой грамматической формы в ее наличном состоянии (диахрония в синхронии).

Эти понятия теснейшим образом связаны между собой и в этой своей связанности образуют понятия иного плана и другого объема — понятия о грамматических категориях и входящих в эти последние формах. Связанность понятий и расчлененность каждого понятия, как известно, являются основными требованиями, предъявляемыми к теории. Известно также, что зрелый уровень развития науки и профессионализм в подходе к исследованию предполагают неперенное определение понятий.

Ниже будут рассмотрены понятия о грамматических категориях и образующих их формах, построенные на изложенных выше методологических принципах. При этом очень существенным представляется тот факт, что категории с многочисленным противопоставлением форм (например, категории падежа и времени) выявляют значительную общность в характере оппозиций с категориями, которым свойственно двучленное противоположение форм (например, категория числа). Для наибольшей наглядности изложения возьмем для начала категорию с многочисленным противопоставлением форм — категорию падежа¹⁷.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Основной падеж

Два ряда оппозиций, в которые входит основной падеж, это, с одной стороны, малый ряд форм, включающий три падежа — основной, винительный и родительный, и, с другой стороны,

¹⁷ То, что будет показано ниже, уже было сформулировано с большей или меньшей степенью детализации в других работах автора (см.: «Родословное древо тюрок» Абу-л-гази-хана; К истолкованию многозначности грамматических форм, с. 101—109; Курс турецкой грамматики. Ч. 1). Здесь же эти вопросы рассматриваются со специальной целью, вытекающей из задачи настоящей статьи, — в аспекте выявления черт историзма в синхронном статусе форм и категорий.

большой ряд форм — вся падежная система в целом. В малом ряду основной падеж противопоставлен двум другим падежам по своей грамматической семантике: винительному падежу он противостоит как форма отвлеченно-предметного дополнения форме конкретно-предметного дополнения, а родительному — как форма отвлеченно-предметного определения форме конкретно-предметного определения. В рамках большого ряда основных падеж противопоставлен всем другим падежным формам синтаксически — как форма подлежащего формам дополнения (винительный, дательный, исходный, местный падежи) и определения (родительный падеж). В этом ряду основной падеж нейтрален к указанным выше семантическим различиям отвлеченной предметности и конкретной предметности: в позиции подлежащего он может иметь оба названных значения.

Противоречивая сущность основного падежа именно и определяется этим его двояким положением в ряду других падежей — вхождением в два ряда оппозиций. При этом консервативным элементом противоречивой сущности основного падежа и является его семантическое противопоставление в рамках малого ряда форм. Здесь сохраняются те прежние свойства данного падежа, которые были, по-видимому, характерны для него в давние эпохи развития тюркских языков во всех его функциях.

Можно полагать, что и в позиции подлежащего некогда основной падеж имел не то собственно «подлежащее» значение, которое он имеет теперь, а своеобразное значение, лежащее где-то между семантикой подлежащего, как такового, и общеопределятельным значением уточнителя при последующей форме, обладавшей значением признака. Нечто подобное можно наблюдать в тюркских причастных конструкциях типа современных узбекских *сув оққан ер* («место, где течет вода»), где отношения между словами *сув* и *оққан* не могут быть безоговорочно квалифицированы как субъектно-предикатные: *сув* осознается как слово с субъектным по отношению к слову *оққан* значением только на фоне уже развитых субъектно-предикатных отношений в истинных предложениях с финитной формой в исходе, но вне этого фона, т. е. безотносительно к нему, *сув* по отношению к *оққан* — нечто среднее между подлежащим и определением¹⁸.

Таким образом, развитая структура отношений, которые характерны для современного состояния основного падежа, будучи логически воспроизведена в понятии, являет собою и историческое — прежнее состояние основного падежа, но

¹⁸ Подробнее см.: С. Н. Иванов. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний, с. 9—16.

не в «чистом» виде, а в снятом, преодоленном, т. е. как включенное в современную систему его функционирования и преобразованное ею и в ней.

Винительный падеж

Винительный падеж характеризуется оппозитивным соотношением с двумя рядами форм. С одной стороны, он противопоставлен как форма прямого дополнения с конкретно-предметным значением основному падежу — форме прямого дополнения с отвлеченно-предметным значением, а также соотнесен с родительным падежом как формой конкретно-предметного определения. Это — проявление винительного падежа в малом ряду форм, характеризующемся семантическими противопоставлениями.

С другой стороны, винительный падеж как форма управляемого дополнения вместе со всеми другими формами управляемых дополнений (дательный, исходный, местный падежи) противопоставлен основному падежу как форме подлежащего синтаксически и безотносительно к семантическим противопоставлениям своего малого ряда (в отстоящей позиции он является единственной формой прямого дополнения). Это — проявление винительного падежа в большом ряду оппозиций.

Противоречивая сущность винительного падежа состоит, следовательно, в том, что он одновременно и является и не является управляемой падежной формой: в малом ряду, где два падежа могут выступать в функции прямого дополнения (основной и винительный), появление одной из двух форм прямого дополнения определяется не управлением, а семантическими причинами (отвлеченно-предметное или конкретно-предметное значения); в большом ряду форм винительный падеж представляет собой единственную форму прямого дополнения, в принципе управляемую.

В малом ряду, следовательно, консервированы прежние свойства винительного падежа — его некогда исключительно «артиклевая» функция. Однако это давнее свойство винительного падежа является не просто пережитком, реликтом прошлого его состояния, но одной, и притом очень существенной, частью современного его функционирования, включенной в сложные отношения с другой линией его применения. Следовательно, расчлененное внутри себя понятие о винительном падеже включает точные представления о двух его сутях, образующих единство в современном употреблении, но свидетельствующих также и об истории его: консервативный элемент его нынешней противоречивой сущности — это проявление более давней его сущности.

Родительный падеж

Двойственность родительного падежа проявляется в том, что он также входит в два ряда противопоставлений. Как было показано на примере основного и винительного падежей, родительный падеж соотнесен с этими падежами в малом ряду падежных форм семантически — на основе обозначения в позиции прилегающего определения конкретно-предметных (родительный падеж) или отвлеченно-предметных (основной падеж) значений и в рамках противоположения конкретно-предметной семантики вообще (родительный и винительный падежи) отвлеченно-предметному значению (основной падеж). В другой линии оппозиций — в большом ряду падежных форм родительный падеж является в отстоящей позиции единственной формой определения в притяжательных словосочетаниях (в изафете) и синтаксически противостоит всем остальным падежам как форма не только определения, но и притяжательного предикатива. И здесь, следовательно, налицо два ряда противоположений — по семантическим и синтаксическим основаниям, два ряда форм, два элемента противоречивой сущности — консервативный (семантическое противопоставление основному и винительному падежам) и прогрессивный (синтаксическое противопоставление всем падежным формам).

Дательный, исходный, местный падежи

Каждый из этих трех падежей входит в два ряда оппозиций, чем и обусловлена противоречивая сущность каждой падежной формы этой группы падежей. Общее отличие трех названных падежей от трех рассмотренных выше состоит в нейтральности их отношения к противопоставлению значений конкретной и отвлеченной предметности, релевантностью которых определяется противопоставление основного, винительного и родительного падежей. Соотношение дательного, исходного и местного падежей в рамках малого ряда форм строится на семантической основе их простейших обстоятельственных значений (лежащих вне зоны жесткого управления): куда? (дательный падеж) — откуда? (исходный падеж) — где? (местный падеж).

За пределами этого соотношения, т. е. вне данной оппозиции, у каждого из этих трех падежей, в особенности у наиболее многозначных — дательного и исходного, имеются многообразные объектные значения, определяющиеся жестким управлением данных падежей сопряженными с ними глагольными формами. В этих значениях, доходящих в своих крайних точках до противоположности простейшим значениям (ср. наличие значений объекта ответного действия у дательного падежа и «при-

ложительные» значения у исходного падежа, а также факт полного схождения значений дательного и исходного падежей, антиподных в своих простейших обстоятельственных значениях)¹⁹, дательный, исходный и местный падежи вместе с формой управляемого прямого дополнения — винительным падежом синтаксически противостоят основному падежу как падежу подлежащего и не соотносены друг с другом по какому-либо единому семантическому признаку.

Таким образом, и в этой части склонения можно наблюдать общие для всех грамматических словоизменительных форм закономерности: вхождение каждой формы в два ряда противопоставлений — малый (т. е. в рамках группы падежей) и большой (т. е. в рамках склонения в целом), обусловленное семантическими (малый ряд) или синтаксическими (большой ряд) основаниями; двойственную природу сущности каждой падежной формы и отражение в этом двояком противоположении логических и исторических моментов. Семантическая сторона их противопоставления, несомненно, представляет собой консервативный элемент их двойственности, тогда как синтаксическая сторона их оппозитивного соотношения является прогрессивным элементом их двойственной сущности. Это последнее убеждение зиждется на том основании, что та сторона любого явления, любой структуры, в которой отражено развитие внутренне противоречивых моментов (а именно в синтаксическом противопоставлении наличествуют значения, доходящие до противоположных), свидетельствует о наибольшей развитости данного явления или данной структуры. Наиболее древние простейшие значения рассмотренных падежных форм сосуществуют в этих формах с более новыми и оказываются включенными в современную сеть оппозиций, т. е. выявляют историю данных форм, но не прямо, а косвенно — в снятом и преодоленном виде.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Категория числа в отличие от категории падежа является категорией с двучленным противопоставлением форм. Однако, как будет показано дальше, категории с многочленным и категории с двучленным противоположением форм проявляют очень своеобразную тенденцию к обоюдному выравниванию категориальных свойств и к унификации грамматических признаков.

Простейшее противопоставление двух форм числа — с нулевым формантом и с показателем *-лар/-лер* основано на про-

¹⁹ С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. 1, с. 37—43, 49—52.

тивоположении значений единицы и множества, единичности и множественности. Это — семантическая оппозиция, мотивированная соответствующими количественными отношениями самой реальной действительности. Однако общая картина функционирования двух форм категории числа гораздо сложнее, и она включает в себя выражение не только количественных соотношений, но и определенные качественные оценки говорящим явлений количественного порядка. Это проявляется в том, что реальная множественность может обозначаться собирательно формой единственного числа, а форма множественного числа может обозначать не только множество предметов, но и единичный предмет, а также обладает способностью выражать множественность с дополнительными оттенками раздельности, расчлененности, распределенности в пространстве и во времени тех единиц, которые слагают данное множество²⁰. Эти различия форм числа основаны уже не на собственно семантических противопоставлениях, а на оппозиции модально-контекстуальных и синтаксических значений.

В этом факте сопряжения в категории числа количественных и качественных моментов отражается коренная, существеннейшая особенность грамматических категорий вообще. Как известно, грамматика отражает реальную действительность не прямо, а опосредствованно. По самой природе грамматической организации языка от грамматических категорий нельзя ждать однозначного выражения реальных отношений окружающего мира. Язык в своей грамматической структуре непременно обозначает наряду с отношениями реальной действительности также и экспрессивные оттенки, проистекающие из оценочных моментов, из позиции говорящего. Поэтому стремление видеть в формах категории числа выражение одних лишь количественных отношений, а все, что не укладывается в схему чисто количественных различий, относить к «некатегориальным» значениям основывается на непонимании автономности грамматики в ее отношении к реальной действительности. Категориальные значения какой-либо грамматической категории — это все то, что она может выразить и выражает, а не только то, что непосредственно мотивировано фактическими отношениями материального мира. Если бы это было не так, то очень трудно было бы понимать наличие, например, в каком-либо языке нескольких разновидностей прошедшего времени, а чисто формальные грамматические категории, например категорию рода имен существительных, где формальные различия утратили мотивиро-

²⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 67—73; С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. 1, с. 5—16; он же. «Родословное древо тюрков», с. 31—48.

ванную связь с действительностью, нужно было бы признать ... «некатегориальными»!

Таким образом, две формы числа двояко противостоят друг другу: как обозначения единичности и множественности и как обозначения собирательности (цельное множество, множественность как единица) и раздельной множественности.

Это — чрезвычайно интересный и очень существенный для понимания соотношения грамматических форм в составе грамматической категории вообще факт. Категория с двучленным противопоставлением форм как бы стремится к многочленности, ибо в ней оказываются уже не два, а четыре элемента, противопоставленных друг другу. В свою очередь, это свойство грамматической категории с двучленным противопоставлением форм находит известное соответствие в категориях с многочленным противоположением форм, где, как было показано выше на примере категории падежа, обилие всех форм (большой ряд форм) распадается на два малых ряда со специфическими оппозициями семантического плана в пределах каждого малого ряда.

Следовательно, в категориях с двучленным и в категориях с многочленным противопоставлением форм проявляются противоположные тенденции, ведущие тем не менее к своеобразной унификации грамматических свойств и характеристик этих двух типов грамматических категорий: двучленные категории стремятся к многочленности, а многочленные категории конституируются на основе явной двойности рядов; в целом же в обоих типах категорий каждая форма определяется двояким противопоставлением своим коррелятам и вхождением в два ряда оппозиций.

Таким образом, в понятии о категории числа существенными оказываются те же моменты, которые отмечены и в понятиях о других категориях:

а) формы имеют двоякое противоположение (у каждой формы два обобщенных значения);

б) каждая форма входит в два ряда оппозиций (форма единственного числа по значениям противопоставлена как своему корреляту — форме множественного числа по линии «единичность — множественность», так и себе самой по линии «единичность — собирательная множественность»; форма множественного числа противопоставлена как своему корреляту — форме единственного числа по линии «множественность — единичность», так и себе самой по линии «простая множественность — раздельная множественность»);

в) двоякое противопоставление форм основывается на семантических (чисто количественные отношения) и синтаксических (количественно-качественные отношения) значениях;

г) в двояком противопоставлении форм отражены консервативный и прогрессивный элементы двойственности каждой формы числа — изначальное и непосредственно мотивированное реальной действительностью противоположение значений единичности и множественности (консервативный элемент) и развившееся на этой основе противопоставление более сложных значений собирательности и раздельности (прогрессивный элемент), причем в последней оппозиции (и это весьма важно для характеристики развитости категории и ее высокой организованности) в каждой из форм оказываются развернутыми значения, в известном смысле противоположные «основным» значениям единицы и множества (собирательная множественность в форме единственного числа и возможность выражения расчлененного, но единичного предмета формой множественного числа);

д) в современных логических соотношениях грамматических форм (т. е. в их воспроизведении в понятии) сохранены в преобразованном виде следы их исторического движения от выражения чисто количественных различий к обозначению усложненных семантических наслоений, выросших на основе количественных соотношений.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория принадлежности представляет собой совокупность аффиксов, противостоящих друг другу различиями в значениях лица и числа. При реализации этого противоположения в составе слова оппозиция аффиксов принадлежности предстает как семантическая, т. е. по значению притяжательности в рамках различий в лице и числе.

Другой ряд противопоставлений отчетливо проявляется при функционировании категории принадлежности в составе словосочетания. Здесь притяжательные словосочетания, построенные по модели изафета так называемого 3-го типа, т. е. с родительным падежом определения и возможностью аффиксов всех трех лиц при определяемом, противопоставляются изафетным словосочетаниям так называемого 2-го типа, где определение имеет форму основного падежа, а определяемое может иметь при себе аффикс принадлежности только третьего лица. Также только третье лицо может иметь место в определительных конструкциях с показателем относительной связи²¹. Таким

²¹ Подробнее см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 523—526; С. Н. Иванов. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. — «Уч. зап. ЛГУ», № 282. Серия востоковедческих наук. Вып. 11. Л., 1959, с. 189—196.

образом, при использовании категории принадлежности в составе словосочетаний возникает и принципиально иной ряд оппозиций самих аффиксов принадлежности: аффиксам всех трех лиц противостоит аффикс третьего лица в его особой, синтаксической, функции, не соотносимый в этом своем качестве с аффиксами первых двух лиц на собственно семантической основе. Это — синтаксический ряд оппозиций, отличный от семантического противопоставления аффиксов принадлежности в составе слова.

Следовательно, каждый аффикс принадлежности любого из трех лиц и двух чисел входит в два ряда противопоставлений: семантически (по значению притяжательности) аффиксы принадлежности соотнесены друг с другом в составе слова, а синтаксически аффиксы принадлежности трех лиц как показатели со значением притяжательности противопоставлены третьему лицу в его непритяжательном значении показателя относительности в составе словосочетаний или показателя контекстуальности отнесенности²². Интересно при этом отметить, что, как и в категории числа, в категории принадлежности имеется отношение формы к самой себе: подобно тому как форма, например, единственного числа противостоит не только форме множественного числа, но и значению собирательной множественности в себе самой, так и аффикс принадлежности третьего, например, лица противопоставлен не только двум первым лицам, но и самому себе в ином своем значении.

Для понятия, отражающего сущность категории принадлежности, следовательно, оказываются определяющими те же свойства, что и для других категорий: два ряда противопоставлений и соответственно противоречивая двойственность значений, реализующихся не только на семантическом, но и на синтаксическом уровне. При этом и здесь можно утверждать, что развитие функций и соответственно значений шло от простого к сложному: синтаксическое противопоставление аффиксов принадлежности возникло на основе их семантического противоположения. Соответственно семантическое противопоставление являет собою консервативный элемент двойственности значений аффиксов принадлежности, а синтаксическое — прогрессивный.

Следовательно, и в данном случае наличный статус категории принадлежности и логическое понятие о нем воспроизводят в себе в преобразованном, снятом, преодоленном виде историческое развитие категории, хотя более древнее семантическое противопоставление разумеется, включено уже в

²² С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков», с. 100—113; он же. Курс турецкой грамматики. Ч. 1, с. 57—64.

ином качестве в общую систему сложных соотношений, наблюдаемых в аффиксах категории принадлежности в целом.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

В сфере категории времени отчетливо противопоставлены два формально различающихся фона времени. Очень наглядно это представлено, например, в турецком языке, где формальные приметы времени следующие:

1. Фон момента речи

-*acak*
-*ar*
-*mak üzere*
-*yor*
-*makta*
-*miş*
-*di*

2. Фон прошлого

-*acaktı*
-*ardı*
-*mak üzereydi*
-*yordu*
-*maktaydı*
-*mişti*
-*diydi*

Времена первого фона в их взаимном соотношении противостоят друг другу семантически — по различным временным значениям и образуют стройный ряд, где звенья, обозначающие три «естественных» времени (будущее — *-acak*, настоящее — *-yor*, прошедшее — *-di*), как бы разделены формами переходного характера (настоящее-будущее — *-ar*, прошедшее-настоящее — *-miş*) с ярко выраженными качественными оттенками значений. Кроме того, «по обе стороны» от настоящего времени располагаются формы с «картинными» значениями настоящего, готового перейти в будущее (*-mak üzere*), и настоящего-длительного (*-makta*), как бы захватывающего своей семантикой пограничную сферу прошедшего, т. е. обозначающего настоящее, развертывающееся из прошлого.

Времена второго ряда представляют собой формы, в которых отражено относительное употребление форм первого ряда — использование их по отношению к другому временному фону. Это, следовательно, — особый тип синтаксического использования форм одного ряда, одного фона времени по отношению к другому ряду, другому фону времени.

Однако для современного состояния языка формы второго ряда нельзя рассматривать только как особый тип употребления форм первого ряда. Во-первых, формы второго ряда противопоставлены друг другу различными семантическими оттенками прошедшего времени и, следовательно, являются формами прошедшего времени, а во-вторых, эти формы также обладают способностью употребляться по отношению к фону первого ряда, т. е. по отношению ко времени речи, со специ-

фическими значениями сослагательности (*-acaktı, -ardı*), абсолютной давности действия (*-mişti*) и т. д.²³

Таким образом, система времен глагола в целом выявляет как бы две подсистемы, наложенные одна на другую: с одной стороны, существуют формы первого ряда и особый тип употребления этих же форм по отношению к фону прошлого; с другой стороны, формы второго ряда, несомненно, морфологизированы, и внешним (синтаксическим) проявлением этого является возможность их использования по отношению к фону времени речи. Получается, что каждый из двух рядов форм семантичен «в себе» (т. е. во взаимном противопоставлении форм внутри данного ряда) и синтаксичен в своем отношении к другому ряду.

Следовательно, в понятии о категории времени и отдельных формах, образующих данную категорию, определяющими, как и в других рассмотренных категориях, оказываются понятия о семантических и синтаксических оппозициях, о противоречивой двойственности, о консервативном (следы неморфологизованности форм второго ряда) и прогрессивном (морфологизованность форм второго ряда) элементах противоречивой сущности категории, о сохранении в современном статусе категории следов ее прежнего состояния, получивших, однако, новое содержание на фоне современного развитого целого.

О ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО И СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГОВ В ПРИЧАСТИЯХ

К пониманию того, что было изложено выше относительно категорий падежа, числа, принадлежности и времени, автор пришел в результате сознательного использования познавательных категорий диалектической логики. Побудительным толчком к этому послужила попытка осмыслить проблему грамматической многозначности, т. е. соотношение частных и общих значений, в ее преломлении в категории падежа, где особенно ярко представлено бесконечное разнообразие частных значений падежных форм. Стремление уяснить те положения, на которых основаны попытки Р. Якобсона и его последователей решить проблему общих значений, привело к убеждению, что в трудах представителей Пражской школы методологически неправильно трактуется вопрос о соотношении единичного (частные значения) и общего (инвариантное значение). Без философской, методологической интерпретации этого вопроса нельзя решить

²³ С. Н. Иванов. К объяснению системы времен турецкого индикатива.—*Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976. с. 84—86.

его и в грамматической его разновидности. В этих условиях естественно было обратиться к рассмотрению того, как ставится и решается данный вопрос в марксистско-ленинской диалектико-материалистической философии, и попытаться интерпретировать его в познавательных категориях диалектической логики. Наука должна оперировать понятиями, а связь, отражаемая понятием, и есть связь всеобщего и единичного²⁴. Попытка грамматической интерпретации связи общего и единичного убедила автора в возможности методологического применения и других категорий диалектической логики для истолкования грамматических проблем. Решающим здесь оказалось то обстоятельство, что все многообразие грамматических фактов из области функционирования грамматических категорий имени и глагола при таком подходе стало укладываться в определенную систему, объясняемую из единых оснований.

В этом плане примечательно, что усилия объяснить бесконечно сложное многообразие явлений, связанных с функционированием причастия на *-ган* (на узбекском языковом материале), предпринятые автором гораздо раньше²⁵ и без намеренного привлечения идей диалектической логики, привели к совершенно аналогичным результатам, в которых оказались отраженными все наиболее существенные понятия, добытые позже для других грамматических категорий уже с применением познавательных категорий диалектической логики.

Общая картина синтаксического использования причастия на *-ган* (*-ётган*, *-диган*) в современном узбекском языке (в других тюркских языках, которым известно данное причастие, — аналогичная картина) являет бесконечное обилие и разнообразие фактов: чрезвычайно разветвлена система атрибутивных конструкций с причастиями; в очень сложном виде предстают залоговые отношения в определительных оборотах с причастиями (соотношение действительного и страдательного вариантов причастия); необычен набор возможных при причастном определении определяемых в их отношении к предшествующему причастию; возможно не только атрибутивное, но и субстантивное использование причастий в притяжательном оформлении; в субстантивной функции употребительна наряду с причастием на *-ган* также и форма на *-ганлик* без видимых различий во временном значении с причастием на *-ган* и т. д. и т. п. Задача исследователя в этом случае, как и во всех аналогичных ситуациях, состояла в том, чтобы найти единую основу ви-

²⁴ Историко-философские очерки, с. 319.

²⁵ С. Н. Иванов. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган* в узбекском языке. — ВЯ. 1957, № 2, с. 103—107; он же. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). Л., 1957.

димого многообразия, т. е. объяснить всю совокупность фактов так, чтобы все они были связаны между собой в систему и чтобы ни один факт не выпадал из найденной системы.

При попытке найти это единство оказалось, что все обилие и многообразие перечисленных фактов поддается вполне удовлетворительному объяснению и связывается в единую систему, если исходить из того, что два морфологически различающихся по значению залога варианта причастия — действительный и страдательный — двояко противопоставлены друг другу: а) как формы со значениями определенно-личного и неопределенно-личного действия и б) как формы с собственно действительным и собственно страдательным значением²⁶.

Таким образом, и в системе использования причастий наличествуют противоречиво двойственный характер форм, проявляющийся в их двояком противополжении, и сложное переплетение консервативного (противопоставление залогов по линии определенно-личного и неопределенно-личного значений) и прогрессивного (противопоставление залогов по линии собственно действительных и собственно страдательных значений) элементов противоречивой двойственности, сохраняющее в себе черты исторического становления современных залоговых различий.

* * *

Сопоставления различных категорий, предпринятые выше, показывают, что все понятия — о категориях падежа, числа, принадлежности, времени и залога (в причастиях) — наполняются определенным грамматическим содержанием в единой системе и соответственно в единых терминах, т. е., говоря иными словами, понятия увязываются в единую теорию. Примеры можно было бы и продолжить, но и приведенных иллюстраций, по-видимому, достаточно для того, чтобы обосновать принципиальную возможность объяснения многих фактов из единого основания, если поставить это объяснение на твердую почву методологических идей, содержащихся в корпусе категорий диалектической логики.

Использование познавательных категорий диалектической логики для конструирования научного понятия об исследуемом объекте — категорий явления и сущности, элемента и системы, единичного и общего, предмета, свойства и отношения, тождества и различия, функционального и субстанциального, многообразного и единого, противоречиво двойственного и единого и т. д. — приводит и к главному для темы данной статьи

²⁶ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 60—73.

выводу, базирующемуся на соотношении диалектических категорий логического и исторического: развитая грамматическая структура (т. е. категория или форма — в любом частном и общем своем проявлении) в своем синхронно фиксируемом состоянии содержит в преодоленном виде свою собственную историю, а научное понятие об этой структуре заключает в себе определенный элемент историзма — «подпонятие» о консервативном элементе противоречивой двойственности, включенном в общую систему функционирования данной структуры в ее наличном статусе.

То, что сделано в данной статье и в других работах автора для обоснования методологического приложения диалектической логики к грамматическим исследованиям, — первый и потому несовершенный опыт подобного рода. Несомненно, что коллективные усилия в этом направлении могли бы привести к существенным и чрезвычайно перспективным результатам.